

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-81-90

УДК 355.06:398.22/.23:282.2(045)

Идейно-архетипический код служения русского воинства и современность

В.В. Кафтан^а, А.П. Погорелый^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Военный ордена Г.К. Жукова университет радиоэлектроники, Череповец, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются культурные архетипы, которые легли в основу формирования духовных ценностей русского воинства. Автор выделяет три ключевых аспекта: образ Матери, образ Отца и религиозное понимание священного брака между ними, известного как иерогамия. В статье прослеживается эволюция этих трех начал на различных этапах развития страны и ее вооруженных сил. Автор выдвигает предположение, что состояние обороноспособности и уровень патриотических чувств воинов во многом зависели от гармоничного сочетания этих трех элементов. В заключение автор делает вывод о том, что современное духовное состояние Вооруженных сил Российской Федерации напрямую связано с их соответствием традиционным основам.

Ключевые слова: армия; патриотизм; Род; образ Матери; образ Отца; иерогамия; православие

Для цитирования: Кафтан В.В., Погорелый А.П. Идейно-архетипический код служения русского воинства и современность. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(6):81-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-81-90

ORIGINAL PAPER

Ideological and Archetypal Code of Service of the Russian Armed Forces in the Modern Conditions

V.V. Kaftan^a, A.P. Pogorely^b

^aFinancial University, Moscow, Russia;

^bMilitary Order of G.K. Zhukov University of Radio Electronics, Cherepovets, , Russia

ABSTRACT

The article examines the cultural archetypal foundations of the formation of the spiritual foundations of the ministry of the Russian army. Three principles are presented as such: the image of the Mother, the image of the Father and the religious illumination of the sacred marriage (hierogamy) between them. The evolution of these principles is traced at various stages of the development of the country and the armed forces. It is suggested that the state of the country's defense capability, the level of patriotic feelings of the soldiers largely depended on how harmoniously the three principles presented were combined. It is concluded that the current spiritual state of the Armed Forces of the Russian Federation depends on compliance with traditional principles.

Keywords: army; patriotism; Family; Mother's image; Father's image; hierogamy; Orthodoxy

For citation: Kaftan V.V., Pogorely A.P. Ideological and archetypal code of service of the Russian Armed Forces in the modern conditions. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(6):81-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-6-81-90

ВВЕДЕНИЕ

Армия на протяжении всей истории представляла собой важнейший институт для любого государства. Даже если находились те, кто заявлял о ее ненужности, логика жизни быстро убеждала их в обратном. В нашей стране, ко всему прочему, вооруженные силы на протяжении всей истории России самым тесным образом были связаны с народом. В первую очередь это означает, что духовные основы народа и армии произрастали из одних и тех же истоков.

Целью данной статьи является осуществление в исторической ретроспективе анализа духовных основ воинского служения по защите нашего Отечества, выявление архетипических элементов, определявших традиционную глубинную мотивацию народа, независимо от исторических эпох, по выполнению воинского долга. Предлагаемое направление исследования вызывало научный интерес у многих авторов, но, тем не менее, продолжает оставаться недостаточно изученным. Актуальность изучения проблемы формирования духовных основ сознания современных российских воинов на фоне специальной военной операции на Украине не только показала свою остроту, но существенно повысила интерес к себе, в том числе и научного сообщества.

ЗАРОЖДЕНИЕ КОДА СЛУЖЕНИЯ В ДОХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОД

Следует иметь в виду, что общество неоднородно и состоит из различных социальных классов и групп, которые имеют свои особенности, в том числе и духовного характера. Например, такое общесоциальное явление, как патриотизм, проявляется в различных социальных группах с определенными нюансами. Так, врач реализует свою любовь к Родине как целитель, учитель — как просветитель, воин — как защитник. Эти духовные ценности испытывают влияние не только профессиональных различий, но и религиозных, этнических, культурных и других факторов. Тем не менее главным остается то, что, несмотря на существующие особенности, все мы любим свою Родину, и это нас объединяет.

Духовные основы как русского народа, так и русского воинства зарождались еще в дохристианскую, языческую эпоху. Современные исследователи определяют культуру наших предков для данного исторического периода как *родовой тип традиционализма* [1, с. 6]. Академик Б.А. Рыбаков

считал, что языческий бог Род олицетворял собой всю Вселенную [2, с. 15, с. 444–447, с. 449], хотя многие специалисты с ним не согласны. Как бы то ни было, но не вызывает сомнения то, что понятие «род» отразилось в русском языке как весьма важное и влиятельное. Многие значимые слова содержат корень «род»: *род, родить, урожай* — то, что имеет отношение к рождению живого; *родиче, родник, родия* (шаровая молния) — природа и вода; *род, народ, Родина* — социальные термины.

Необходимость ведения военных действий в данный период обуславливала участие всех свободных мужчин в отражении агрессии. Со временем военное дело профессионализировалось. Фигурой, вокруг которой объединялись воины, становится *князь*. Первоначально это был человек, выделявшийся из общей массы, как сказали бы сегодня — обладавший харизмой. Сам этот термин выводят из исконно славянского **kun-inge* — «торчащий, выдающийся» [3, с. 357]. Кроме того, следует обратить внимание на этимологические параллели: польск. *Ksiazdz* — ксёндз, первоначально жрец; чеш. *Knezstwo* — духовенство; луж. *Knez* — поп [3, с. 263], что говорит о присущих изначально князю жреческих функциях.

Воинское формирование, группировавшееся вокруг князя, получило название «дружина». То, что этот термин упоминается в «Повести временных лет» 97 раз [4, с. 53], говорит о том, что он совсем не случаен. В основе его лежит слово «друг», что свидетельствует о том, что отношения между князем и его воинами носили очень близкий, практически *родственный* характер. Князь выступал не только как военачальник, но и как глава данного образования, хоть и отличавшегося от рода, но строившегося по схожим принципам.

Наравне с князем объединяющим началом дружины выступала та земля, которую князь со своими воинами должен был оборонять. Земля вообще в сознании наших предков обладала огромным влиянием. К ней обращались как к сакральному свидетелю [5, с. 51] при заключении договоров или даже просто при приветствии («поклониться до земли»). Отдельные природные объекты в ходе исторического развития обретали значимость национальных символов — например, «Днепр-батюшка», «Волга-матушка», «Поле Куликово», «Киев — мать городов русских», «Москва-златоглавая». Современным проявлением потребности в формировании подобных национальных символов выступают города-герои (в СССР их

было 12 и Брестская крепость-герой) и города воинской славы (на 15 ноября 2022 г. в России их насчитывается 47) как дань памяти о Великой Отечественной войне и других страницах нашей военной истории. Причем никакие выверты, иницируемые нашими духовными врагами, как это имеет место, например, со столицей Украины городом Киевом, для нас не девальвируют значимость этих национальных символов¹. Для русских людей, для всех представителей Русского Мира Киев всегда есть и будет «Матерью городов русских» и «Городом-Героем».

В основе взаимодействий князя и земли лежали не просто договорные отношения как их видели, например, те же создатели теории общественного договора на Западе. Пример полюдья, представлявшего собой табуирование периметра границ родовой земли с целью обеспечения живущих на ней людей защитой от внешних враждебных сил [7, с. 478], дает нам определенную пищу для размышления. Конечно, здесь присутствовали такие факторы, как экономический (князь через взимание дани получал средства для содержания дружины и выполнения прочих возложенных на него функций), политический (князь контролировал территорию и население, на которых распространялась его власть) и социальный (фиксируются те социальные связи и отношения, на которых основывался данный социум). Но не меньшим значением обладала духовная составляющая этого явления. Между князем и землей заключался священный брачный союз как реализация идеи иерогамии². Земля выступала женским началом, что фиксировалось в понятии «мать — сыра земля». Князь, являясь мужским началом, персонифицировался в образе солнца — не зря полюдье совершалось по кругу посолонь по

анalogии с движением этого небесного светила [8, с. 140]. Кстати, солярный титул носил не только былинный Владимир Красно Солнце. Даже после принятия христианства князья продолжали титуловать этим эпитетом. Известны слова Владимирского митрополита Кирилла, произнесенные им на смерть Александра Невского: «Закатилось солнце земли Суздальской» [9, с. 15]. Исторические народные песни продолжали сравнивать с «солнцем красным» даже Ивана Грозного [10, с. 79].

Священный брак, заключенный между князем и землей и признанный в рамках существующих религиозных верований, освящал ту защитную деятельность, которую осуществлял князь, возглавлявший дружину. Воины получали не просто оправдание своей службы — благодаря священному союзу Князя-Мужа-Отца и Земли-Жены-Матери ратный труд облагораживался до уровня священной миссии. Для человека той эпохи, и особенно для ратника, это было чрезвычайно важно. Здесь можно вспомнить и воинов храма на острове Аркона (как языческий пример), о которых писал Саксон Грамматик, и Новгородский владычный полк, находившийся в подчинении местного епископа (как христианский пример). Категория воинов, выполнявших священную миссию, всегда считались настоящей элитой воинского сословия.

Таким образом, можно констатировать, что духовные скрепы сознания древнерусского дружинника основывались на двух основных ценностных символах — образ Матери, персонифицированный в понятии «мать — сыра земля», и образ Отца, который концентрировал в себе правитель этой земли и одновременно глава воинского формирования — дружины. Важным был и третий элемент — признание этого брака в рамках той религиозной системы, которая тогда существовала. Впрочем, такие патерналистские мотивации были характерны не только для Древней Руси — многие государства формировались на «образе семьи как некой формы взаимодействия мужского и женского начал» [6, с. 44].

ЭВОЛЮЦИЯ КОДА СЛУЖЕНИЯ В ПЕРИОД ДРЕВНЕЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

Принятие христианства многое изменило в древнерусском обществе, даже с учетом того, что этот процесс растянулся от официальной даты крещения в 988 г. до реального проникновения веры

¹ Особым цинизмом веет от действий В. Зеленского, присвоившего звание «город-герой» 6 марта 2022 г. Харьков, Чернигову, Мариуполь, Херсону, Гостомелю, Волновухе, а 24 марта — Буче, Ирпеню, Николаеву и Ахтырке. Но история и героизм российских солдат и офицеров все расставит по своим местам, доказательством чего уже стал город Мариуполь, которому присвоено звание города воинской славы.

² Идея священного брака продолжала присутствовать и после принятия христианства. Так, когда венчался Михаил Романов, голову его невесты украшала гирлянда с изображением всех русских городов, олицетворявшая Матушку Русь [6, с. 48]. Даже в начале XVIII века Иосиф Туробойский писал в отношении Петра I: «Всяк бо царь жених есть на царствии своем» [См.: 8, с. 179].

в народную среду на полтысячелетия. Не могло это не сказаться и на вышеописанных образах.

Во-первых, серьезно изменился образ Матери. Влияние христианства здесь проявилось в появлении образа Богородицы. Мария была значима для русских людей не столько с позиции непорочного зачатия (на Западе этому уделяли намного большее внимание, например, именно Дева Мария считалась покровительницей Испании с XVI в.), сколько именно как Мать Иисуса, как Богородица-Теотокос [6, с. 116]. Не зря Д. Самарин указывал на то, что «...русская Богородица значительно больше похожа на «матушку-сыру земельку...», чем на историческую деву Марию» [11, с. 25]. Действительно, почитание Богородицы на русской земле было чрезвычайно значимым. Н. Бердяев даже заявлял, что русское православие — это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы [12, с. 10], а Д. Ранкур-Лаферье определял отношение русских к своей Родине не как «патриотизм», а как «матриотизм» [6, с. 112]. Образ Матери в сознании русского человека объединил в себе понятия Русской земли, Православной церкви и Богоматери. Почитаемы были на Руси различные образы Богородицы, связанные с событиями военной истории. При защите Смоленска в 1237 г. от войск Батые икона Богоматери Смоленской обрела название «необоримая Воеводица». Во время Куликовской битвы икона Богоматери Донской, по преданию, осеняла русское войско. Икона Владимирской Божьей Матери в 1395 г. отвернула войска Тимура, собиравшегося разорить Русь. Образ Тихвинской Богоматери почитался как спасший Тихвинскую обитель и север России от нашествия шведов в 1613 г. В 1612 г. при спасении Москвы от польских завоевателей прославилась икона Богоматери Казанской, ставшая с той поры общерусской святыней.

Во-вторых, претерпел изменение и образ Отца. Эволюция правителя Руси прошла долгий путь от князя-предводителя дружины до царя Всея Руси. Были на этом пути и откровенные провалы, когда князья в эпоху раздробленности, воюя друг с другом, истончили воинскую силу страны до такого состояния, что не смогли дать достойный отпор монголо-татарскому нашествию. Или в период феодальной войны 1425–1453 гг., когда они не только сражались друг с другом, но и приводили татар на Русь, тем самым подталкивая страну на край гибели. Или в период Смутного времени,

когда царский трон был превращен в игрушку в руках проходивцев всех мастей. Но были и славные периоды, когда правители страны ставили во главу угла интересы страны. Как Владимир Мономах и его сын Мстислав, сумевшие, пусть и на недолгое время, усмирить алчные аппетиты феодалов. Как Иван III, который сбросил золотоордынское иго, освободил страну, а после заключения брака с последней византийской принцессой Софьей Палеолог, стал лидером православного мира. Как Иван IV, объединявший страну и боровшийся с боярским сепаратизмом. Именно он становится первым русским царем, т.е. императором, самым этим фактом свидетельствуя о превращении Руси в самостоятельное и могучее государство. Царь воспринимался на Руси как Божий наместник, главная задача которого заключалась в защите Русской земли и православного христианства.

Претерпевал изменение и третий компонент — религиозные верования. Давно уже признано, что русское православие являет собой определенный симбиоз между христианством, пришедшим на Русь из Византии, и местными верованиями. Процесс этого слияния растянулся на столетия и в результате возник феномен русского православия. Важнейшей его чертой становится патриотизм, насквозь пропитанный христианским восприятием бытия. В этот исторический период начинает утверждаться понятие «христолюбивого воинства». Многие русские воители были причислены к лику святых: Александр Невский, его сын Даниил Московский, Довмонт Псковский, Дмитрий Донской, Александр Пересвет. Покровителями воинов на Руси являлись: архистратиг Михаил — воплощение победы и небесный предводитель боевых рядов, и Святой Георгий Победоносец — покровитель князей и их ратных подвигов.

Патриотизм русских людей находит подтверждение в таких литературных произведениях доордынского периода, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Поучение» Владимира Мономаха и многих других. Из 42 формул, призывающих «сражаться за что-либо», встречающихся в литературе, фраза «За землю Русскую» распространена более всего (15 из 42) [13], т.е. более трети. Патриотические мотивы продолжали присутствовать в таких литературных произведениях более позднего периода, как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина»,

«Казанское взятие» и др. Это было характерно не только для социальных верхов, но и для широких народных масс, подтверждением чего являются былины: «...патриотизм в эпосе присутствует не столько в виде осознанного убеждения, а как глубинная определяющая мировоззрения» [14, с. 64]. Русские пословицы также изобилуют патриотическими мотивами: «С родной земли — умри, не сходи», «Своя земля и в горести мила», «Родная земля — мать, чужая — мачеха» и др. Такая любовь к родной земле получила новое, христианское насыщение через понятие Божественной любви.

В эпоху допетровской Руси два идеосоциотипа — Матери и Отца, объединенные православной верой, служили духовным фундаментом для всех русских людей. Но особенно значимы они были для воинского сословия. Абсолютно прав военный историк XIX в. Д. Ф. Масловский, считавший, что нравственные причины побед древнерусских воинов заключались: «...в самоотверженной преданности ратников своей Родине, главе отечества и православной вере, так что с первых времен Руси «отечество» (Святая Русь — земля), великий князь (Царь) и вера отождествляются в одно целое, нераздельное понятие» [15, с. 2].

КРИЗИС КОДА СЛУЖЕНИЯ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

Кардинальные изменения произошли в нашей стране в период правления Петра I. Армия испытала их на себе в самой полной мере. Менялись в первую очередь внешние, материальные атрибуты — форма, вооружение, принцип комплектования, структура и т.д. Но можно ли то же самое сказать о духовных основах служения русского воинства? Однозначного ответа на этот вопрос дать невозможно. Если вспомнить знаменитый приказ Петра Первого, обращенный к русским воинам в день Полтавского сражения, то создается впечатление, что ничего не изменилось. Царь говорит: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь...» [16, с. 10]. В этой цитате содержится и образ Отца (через «государство, Петру врученное»), и образ матери-Родины (через «род свой» и «Отечество»), и православная вера. Все три

источника духовной основы воинского служения налицо. Возьмем на себя смелость заявить, что благодаря такой сохраняемой традиционности русская регулярная армия, начавшая свой путь с поражения при Нарве, прошла через горнило Северной войны и одержала в ней славную победу над шведской армией, являвшейся на тот момент самой сильной в Европе.

Но все же духовные скрепы армии претерпели существенное изменение. Более того, эти метаморфозы начались еще до Петра, при его отце Алексее, брате Федоре и сестре Софье. Если в предшествующие эпохи речь шла о священном союзе между Матерью-землей и Отцом-царем, в котором они имели равное значение, то при первых Романовых и, конечно же, самом Петре роль царя неимоверно возросла. Более того, титул царя не устроил Петра, и он становится императором³ и даже именуется «Отец Отечества». Еще более запутывалась ситуация, когда власть оказывалась в руках женщин. Достаточно вспомнить присвоение членами Уложенной комиссии Екатерине II титула «Великой, премудрой матери Отечества». Вряд ли эти люди понимали абсурдность такого титулования с точки зрения Традиции, но скорее всего, в своих чувствах они были столь же искренни, как и татары, назвавшие императрицу за признание ислама официальной религией России «эби пашта» — «добрая бабушка-царица».

Так или иначе, но образ Матери-земли уходил на второй план и оказывался в подчиненном положении. Это ненормальное с точки зрения Традиции состояние замечали многие. Известный славянофил Константин Аксаков писал о том, что допетровская Русь была разделена на государство (правительство) и землю (народ), гармония между которыми основывалась на взаимном невмешательстве в дела друг друга. Петр, вторгшись в дела народа, «завоевал» землю, тем самым фактически разрушив традиционный баланс [17].

Особенно сильной деструкции подверглось православие, выступавшее главным фактором гармонизации взаимоотношений между симво-

³ Сам титул императора, который возложил на себя Петр, многое объясняет. Дело в том, что в реальном положении правителя России замена титула «царь» на титул «император» ничего не меняла, так как эти термины практически тождественны друг другу. Но первый из них на Западе практически не использовался, зато был распространен второй. Т.е. западная ориентация Петра здесь проявила себя в полной мере.

лами Матери-земли и Отца-царя. Еще в начале XVII в. авторитет Православной церкви был настолько высок, что устами патриарха Гермогена она сумела призвать народ к сопротивлению интервенции и, тем самым, отвести страну от пропасти Смуты. Но уже в середине этого же столетия в период правления Алексея Михайловича по православию был нанесен сокрушительный удар через реформу Никона, приведшую к церковному расколу. Действия самого Петра принесли не меньший вред: снятие колоколов с церквей, фактическая отмена патриаршества и переход на управление церковью через гражданскую структуру Святейшего Синода, вмененная духовникам обязанность доносить на исповедующихся согласно «Прибавления к духовному регламенту» от 1722 г. Православие под таким интенсивным разрушительным воздействием теряло свою силу и влияние не только в социальных верхах, но и в широких народных массах.

Для армии эти изменения не могли пройти бесследно. Сложность создавшейся ситуации сильнее всего проявилась в противоречии, возникшем между так называемыми «прусской» и «русской» военными школами. Обычно возникновение этого противоборства относят к последней четверти XVIII в., когда между императором Павлом (сторонником прусской школы) и Александром Васильевичем Суворовым (самым ярким представителем русского направления) возникли разногласия. Но имеет место вполне обоснованное мнение, что данное противоречие было порождено противоречивой деятельностью Петра I [18].

С одной стороны, именно ему принадлежит первенство в формулировании принципа, ставшего при Суворове основополагающим: «Учить солдата тому, что необходимо на войне». При первом российском императоре и при прямом его участии офицерский корпус становится истинно национальным. Офицер определялся как «слуга царю, отец солдату», т.е. и здесь проявляла себя Традиция достаточно ярко. Но одновременно Петр, ориентировавшийся во всем на Запад, отдавал приоритет внешним, материальным атрибутам. Все его преобразования, в том числе и военные, пронизаны почти протестантской утилитарностью. Духовное окормление воинов, забота о соблюдении Традиции никогда не стояла для Петра на первом месте.

Эта тенденция продолжилась в период правления Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны, когда у руководства страной и армией оказались немцы Миних, Остерман, Бирон и прочие. Для военной сферы данный период отмечен упадком и отсутствием значительных побед. Только с приходом Елизаветы ситуация начинает меняться. Русский национальный дух возрождается и приносит первые успехи, свидетельством чего является разгром в Семилетней войне прусского короля Фридриха II, основоположника прусской военной школы. При Екатерине II русские армия и флот одерживают целый ряд блестящих побед под руководством таких ярких представителей «русской» школы, как А. Суворов и Ф. Ушаков. Кстати, оба они были глубоко верующими православными людьми. Александр Васильевич много времени уделял религиозному воспитанию своих воинов, а Федор Федорович был даже канонизирован Православной церковью уже в наше время.

Огромное значение в процессе развития национальной идеологии имело принятие в 30-е гг. XIX в. теории официальной народности, разработанной министром просвещения С. Уваровым. Формула «Православие. Самодержавие. Народность» на долгие годы становится основой государственного подхода к духовному окормлению народа. В армии еще до утверждения теории Уварова использовался клич «За веру, царя и Отечество!»⁴, практически полностью идентичный ей. И если воспринимать эту теорию формально, то следует признать, что снова наблюдается следование Традиции. Во-первых, на первое место поставлено православие. Но это отнюдь не свидетельствует о его реальном значении в российском обществе — секулярные процессы зашли уже достаточно далеко и свое разрушительное воздействие на общественное сознание только усиливали. Во-вторых, образ Отца-царя поставлен в центр, и такая символика вполне обоснована. В простонародье даже использовалось обращение «царь-батюшка». Но в условиях неограниченного самодержавия этот образ приобретал гипертрофированные,

⁴ Когда еще в 1769 г. русская православная церковь приняла решение об объявлении 11 сентября (усекновение главы Иоанна Крестителя) днем поминовения всех убиенных воинов, то формулировка звучала как «всех убиенных за веру, царя и Отечество».

даже гротескные формы, наносившие образу Отца существенный вред. В-третьих, Отечество завершает данную формулу. Применительно к последней части возникает вопрос: насколько обоснованно видеть в понятии «Отечество» образ Матери? Мало того, что слово «Отечество» среднего рода, так еще и корень у него «отец» (сразу вспоминается титул Петра I «Отец Отечества»). Вряд ли здесь можно удовлетвориться объяснением, основанным на том, что слово «отечество» возникло в XI–XII вв. и поэтому оно старше и привычнее слов «отчизна» (возникшее в XVI в.) и «родина» (XVIII в.) [19, с. 408, с. 410, с. 604]. По сути, наблюдается нарушение традиционного союза Матери и Отца, освященного религией. Образ Отца практически затмевает образ Матери, а в этимологических формах даже заменяет его. С православием также все очень непросто. Оставаясь официально религией государствообразующего народа, оно теряет реальный авторитет, все больше превращаясь в формальную доктрину, не способную выполнять функцию гармонизации.

Кризис духовных скреп был налицо. Как следствие наблюдается череда неудач у русской армии. Проиграна Крымская война. Ценой огромных жертв и невероятных усилий одержана победа в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., но ее итоги были полностью нивелированы Берлинским конгрессом. Проиграна русско-японская война. Первая мировая война также не стала победоносной, только Брусиловский прорыв мог бы считаться успешным, да и то с серьезными оговорками. Все это следует рассматривать как последствия того, что традиционная основа духовности русского воинства была серьезно нарушена.

КОД СЛУЖЕНИЯ В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Победа Октябрьской революции в России полностью разрушила не только существовавший до этого государственный строй, но и вооруженные силы и положила начало новой системе организации армии. Православие и самодержавие были для новой власти принципиально неприемлемы. Да и Отечество в дореволюционном понимании тоже отрицалось. Новые вооруженные силы создавались на совершенно иной идейной основе. Православие было заменено марксизмом, самодержавие — диктатурой пролетариата,

а к отечеству была добавлена достаточно жестко трактуемая приставка «социалистическое». Традиционность, которая пусть даже в урезанном и измененном виде, присутствовала в царской армии, в пролетарском государстве была отторгнута полностью.

Но так продолжалось только до начала 30-х гг. Угроза внешней агрессии, которая после прихода нацистов к власти в Германии становится особенно явной, заставила руководство страны отойти от позиции крайнего левачества. Постепенно идея «мировой революции» заменяется идеей «построения социализма в отдельной стране». Школа Покровского, господствовавшая в исторической науке, решительно отторгается. Все громче звучат призывы о воспитании патриотизма, пусть и «пролетарского». Понятие «Наша Советская Родина» начинает рассматриваться как высшая ценность. Можно сказать, что сама жизнь заставила руководство страны и партии возвратиться к тем традиционным ценностям, которые всегда лежали в основе духовности русского воинства, да и всей страны. Великая Отечественная война только усилила эти процессы. Когда солдаты кричали «За Родину! За Сталина!», они как будто обращались к тем архетипическим основам, которые лежали в их генетическом коде. Особенно если вспомнить, что Сталина называли «Отцом народа». Более того, именно в период Великой Отечественной войны православие по-настоящему проявило себя. Это уже была не догма, не навязанное сверху верование. Православие прошло через страшные испытания, но тем самым очистилось от наносного и привнесенного, обрело традиционную святость и сблизилось с народом. Ни у кого не возникло сомнения в искренности Митрополита Сергия, когда он в первый же день войны призвал православных людей всеми силами сопротивляться врагу. Люди несли последние копейки по собственному душевному порыву, чтобы миром построить танковую колонну имени Дмитрия Донского или авиационную эскадрилью имени Александра Невского.

В данный период можно было наблюдать удивительно противоречивое, на первый взгляд, смешение православной веры и коммунистической идеологии, которые и формировали дух русского воина. Хотя удивительным и противоречивым такое смешение выглядит только внешне. Духовные первообразы русского на-

рода — Мать и Отец — как будто возрождались в новых, во многом неожиданных формах. Здесь уже логично строится ряд социотипов: 1) Мать — Родина — Партия; 2) Отец — Государство — Вождь.

К сожалению, с приходом к власти Хрущева в нашей стране высокие цели построения справедливого общества были заменены приземленными призывами «Догнать и перегнать Америку» в вопросах потребления. Такое обесценивание духовных начал не могло не привести к девальвации социотипов Матери и Отца. Хотя импульс 30–40-х гг. был настолько силен, что еще долго оказывал благотворное воздействие на сознание многих советских граждан. К сожалению, партийная номенклатура неуклонно вырождалась в псевдо-элиту, пока не подошла вплотную к национальному предательству. Скрыть от народа этот процесс вырождения было невозможно, и поэтому призывы с высоких трибун, не подтвержденные реальными делами, приводили к потере веры в лучшие идеалы. Партия теряла авторитет, мало кто уже был способен отождествить ее с образом Матери и уж тем более с понятием Родины. Фигуры партийных лидеров ни коим образом не соответствовали образу Отца — Хрущев, Брежнев, Черненко, Горбачев вызывали недоумение, сарказм, а нередко и презрение. Конечно, немалую роль в духовном разложении советского народа сыграли и внешние силы, но они никогда не смогли бы разрушить СССР, если бы мы сами не потеряли веру в собственные идеалы.

Постсоветский период нашей истории оказался весьма сложным как для страны, так и для Вооруженных сил. Сложность эта была обусловлена не в последнюю очередь тем, что духовные скрепы народа и армии оказались девальвированы, многие граждане нашей страны, находясь в состоянии «эпистемологической оккупации» (по выражению А. Г. Дугина), были духовно дезориентированы. Сложно назвать сферу жизни страны, которая бы не пребывала в состоянии кризиса. В полной мере это относилось и к военной области.

Страну сотрясал целый ряд межэтнических конфликтов, в которые армия вовлекалась самым непосредственным образом. Обе войны в Чечне, тяжесть которых в условиях беспрецедентного информационного шельмования либеральными

СМИ военные вынесли на своих плечах. Грузино-югоосетинский конфликт, закончившийся принуждением нашей армией агрессора к миру, также был проигран в информационном плане. Крымская весна, в рамках которой российская армия обеспечила бескровное возвращение полуострова «в родную гавань». Военная операция российских Вооруженных сил в Сирии, благодаря которой, по сути, была сохранена эта страна. Специальная военная операция на Украине, ведущаяся по сей день, окончательно вернувшая Россию на ее истинный цивилизационный путь.

ВЫВОД

Сегодня и в стране, и в армии хватает проблем. Тем не менее большая часть россиян чувствует, что события последних лет повернули страну в правильном направлении. Бережное отношение к своим традициям, опора на них дают силу всем нам. Напомним, что в результате референдума, проведенного в 2020 г., в пункт «ж» статьи 72 Конституции РФ, среди прочих, была внесена поправка, четко определяющая брак «как союз мужчины и женщины»⁵. Необходимость такой декларации традиционного взгляда на семью в условиях продвижения неолиберальных ценностей странами Запада, не вызывает сомнения у большинства российских граждан.

Но важно помнить о том, что Традиция приносит пользу только тогда, когда она живет не только прошлым, но и сегодняшним днем, направленным в будущее. Она не должна превращаться в оковы, мешающие успешному развитию. Весьма символично то, что 2024 год был объявлен в нашей стране годом семьи. Данный факт еще раз подтверждает то, что образы Матери и Отца должны быть современными, вдохновляющими, привлекающими, а не замшелыми и отталкивающими. То, что они и сегодня, и завтра способны сплотить наш народ, дать ему смысл своего развития — не вызывает сомнения. Не нужно ничего выдумывать в душных кабинетах, достаточно обратить взор к истории собственного народа. Именно там мы сможем найти ответы на многие сложные вопросы как сегодняшнего, так и завтрашнего дня.

⁵ Конституция Российской Федерации (с гимном России). Москва: Проспект; 2020. 64 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. Москва: Наука; 2000. 376 с.
2. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Москва: Наука; 1994. 608 с.
3. Серяков М.Л. «Голубиная книга» — священное сказание русского народа. Москва: Алетея; 2001. 664 с.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; 2000. 326 с.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Москва: Агентство «ФАИР»; 1998. 352 с.
6. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историографии. Москва: Ладомир; 2001. 202 с.
7. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета; 1996. 609 с.
8. Иосиф Туробойский. Преславное торжество освободителя Ливонии. В: Панегирическая литература петровского времени. Москва: Наука; 1979:150–180.
9. Преображенский А.А. «Веков связующая нить...». Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX в.). Москва: ООО «Русское слово — учебная книга»; 2002. 176 с.
10. Соколова В.К. Русские исторические песни XVI — XVIII вв. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1960.
11. Самарин Д. Богородица в русском народном православии. *Русская мысль*. 1918;(III–IV):1–38.
12. Бердяев Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. Москва: Изд-во МГУ; 1990. 240 с.
13. Горский А.А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личность и ментальность русского средневековья. Москва: Языки славянской культуры; 2001. 176 с.
14. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI — XIII вв. Санкт-Петербург: «Издательство Олега Абышко»; 2017. 592 с.
15. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып. 1. Санкт-Петербург: Николаевская академия генерального штаба; 1891. 356 с.
16. О долге и чести воинской в армии Российской. Под общ. ред. Н.А. Панкова. Москва: Военное издательство; 2009. 402 с.
17. Аксаков К.С. Государство и народ. Платонов О.А., ред. Москва: Институт русской цивилизации; 2009. 608 с.
18. Голубев Л.Ю. Две военные школы в русской армии. *Военная мысль*. 2009;(1):73–80.
19. Большой этимологический словарь русского языка. Москва: «Дом Славянской книги»; 2016. 960 с.

REFERENCES

1. Filosofskie i bogoslovskie idei v pamyatnikah drevnerusskoj mysli. Moscow: Nauka; 2000. 376 p. (In Russ.).
2. Rybakov B.A. Yazychestvo drevnih slavyan. Moscow: Nauka; 1994. 608 p. (In Russ.).
3. Seryakov M.L. “Golubinaya kniga” — svyashchennoe skazanie russkogo naroda. Moscow: Aleteja; 2001. 664 p. (In Russ.).
4. Kolesov V.V. Drevnyaya Rus’: nasledie v slove. Mir cheloveka. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul’tet Saint-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta; 2000. 326 p. (In Russ.).
5. Mechkovskaya N.B. Yazyk i religiya. Moscow: Agentstvo “FAIR”; 1998. 352 p. (In Russ.).
6. Ryabov O.V. “Matushka-Rus’”: Opyt gendernogo analiza poiskov nacional’noj identichnosti Rossii v otechestvennoj i zapadnoj istoriografii. Moscow: Ladoimir; 2001. 202 p. (In Russ.).
7. Froyanov I. Ya. Rabstvo i dannichestvo u vostochnyh slavyan. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta; 1996. 609 p. (In Russ.).
8. Iosif Turobojskij. Preslavnoe torzhestvo osvoboditelya Livonii. Panegiricheskaya literatura petrovskogo vremeni. Moscow: Nauka; 1979:150–180. (In Russ.).
9. Preobrazhenskij A.A. “Vekov svyazuyushchaya nit’...”. Preemstvennost’ voenno-patrioticheskikh tradicij russkogo naroda (XIII — nachalo XIX v.). Moscow: ООО «Russkoe slovo — uchebnaya kniga»; 2002. 176 p. (In Russ.).
10. Sokolova V.K. Russkie istoricheskie pesni XVI — XVIII vv. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR; 1960. (In Russ.).
11. Samarin D. Bogoroditsa v russkom narodnom pravoslavii. *Russkaya mysl’*. 1918;(III–IV):1–38. (In Russ.).

12. Berdyaev N.A. Sud'ba Rossii: Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti. Moscow: Izd-vo MGU; 1990. 240 p. (In Russ.).
13. Gorskiy A.A. "Vsego esi ispolnena zemlya russkaya...": Lichnost' i mental'nost' russkogo srednevekov'ya. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury; 2001. 176 p. (In Russ.).
14. Dolgov V.V. Byt i nruvy Drevnej Rusi. Miry povsednevnosti XI — XIII vv. Saint-Petersburg: "Izdatel'stvo Olega Abyshko"; 2017. 592 p. (In Russ.).
15. Maslovskiy D.F. Zapiski po istorii voennogo iskusstva v Rossii. Vyp. (In Russ.). 1. Saint-Petersburg: Nikolaevskaya akademiya general'nogo shtaba; 1891. 356 p. (In Russ.).
16. O dolge i chesti voinskoj v armii Rossijskoj. Pod obshch. edp. (In Russ.). N.A. Pankova. Moscow: Voennoe izdatel'stvo; 2009. 402 p. (In Russ.).
17. Aksakov K.P. Gosudarstvo i narod. V Platonov O.A., edp. (In Russ.). Moscow: Institut russkoj civilizacii; 2009. 608 p. (In Russ.).
18. Golubev L. Yu. Dve voennye shkoly v russkoj armii. *Voennaya mysl'*. 2009;(1):73–80. (In Russ.).
19. Bol'shoj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Moscow: "Dom Slavyanskoj knigi"; 2016. 960 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Виталий Викторович Кафтан — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего по научной работе, кафедра массовых коммуникаций и медиабизнеса, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Vitaly V. Kaftan — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Deputy Head on the Research, Department of Mass Communications and Media Business for Research, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

vvkaftan@fa.ru

Александр Павлович Погорелый — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный ордена Г.К. Жукова университет радиоэлектроники, Череповец, Россия

Alexander P. Pogorely — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Military Order of G.K. Zhukov University of Radio Electronics, Cherepovets, Russia
apogor44@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.10.2024; принята к публикации 27.02.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.10.2024; accepted for publication on 27.02.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.